

Филологическая газета

Христос Воскресе!

Мой мир разлетается осколками от взрыва, или выстрела, или только от бессмысленного ускорения. Только от поглощения какой-то наглой мути, проникающей во все ткани, во все волокна. Только от окутывания какими-то шершавыми нитями всё крепче, всё больше, всё натянутой...

Ко всему привязанный, от всего зависимый стоит нашего века маленький человек в центре большого города сам, один, расплываясь. И никто не даст ему руку, никто не посмотрит ему в глаза, никто не заденет его плечом, не извинится. С ним разминутся все – те, кто спустится под землю, кто поднимется в воздух, кто не выйдет из дома, кто пройдет по другой улице.

Ослепнут те, кто пройдет мимо него. Сам. Один...

Но как бы ни был ты слаб и беспомощен. Как бы ни охрип твой голос, и как бы ни опустились твои руки, ты все еще можешь вспомнить, что есть чья-то сильная рука, на которую можно опереться. И чей-то властный голос, который можно услышать:

«Тебе говорю, встань!»

...И не было взрыва, ни выстрела.
Лишь мерные удары любящего сердца.

Кобылан Ксения, 4 курс

«Филологическая газета» - студенческая
газета филологического факультета ПСТГУ.
Выпуск № 1 (8) - Май 2016

Содержание

Над выпуском работали:

*Евгения Ковалева,
Никита Майданюк,
Дарья Правдолюбова,
Александра Дыкан,
Мария Сванидзе,
Всеслав Тишкин, Юлия Афтинеску,
Палетта Гусареску, Полина Перепелкина
Дарья Дяченко, Александра Дыкан,
Анна Блохина, Ольга Зайцева
Евгения Емельянова, Дарья Карицкая
Елизавета Крапивская, Анна Липина
Елена Клычтаганова, Анна Якимова.*

*Редакция газеты выражает благодарность
декану ФФ, А.В. Аксенову
замдекана по УВР, К.Г. Самуйловой,
директору православной Свято-Петровской школы,
иерею Андрею Пастернаку,
замдиректора по ЭД, В.Г. Абрамяну.*

ТВОРЧЕСТВО

2 Проба пера

ПЕРСОНА НОМЕРА

4 Интервью с А.В.Аксеновым

СОБЫТИЕ НОМЕРА

8 Воскресные традиции разных стран

ХРОНИКА, СТУДЕНЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ

10 «Голос»

12 Турнир «ЧГК»

13 Вечер германского отделения

14 1-ый Бал ПСТГУ

ФИЛОЛОГИ ПУТЕШЕСТВУЮТ

16 Англия

17 Италия

КУЛЬТУРА, ОБРАЗОВАНИЕ

18 Обзоры. Читаем

19 Обзоры. Смотрим

Христос Воскресе!

Дорогие студенты и преподаватели!

От всей души поздравляем с Пасхой! Желаем радости, творческого вдохновения и сил!

**Рады представить Вам газету после длительного перерыва! Ждем откликов, пожеланий,
предложений, активного участия. Добро пожаловать!**

**Надеемся, газета будет сопровождать нашу студенческую жизнь, радовать интересными
материалами, греть душу и вдохновлять во время перемен.**

Читайте, творите, пишите!

«В каждый момент времени, в каждый период жизни добросовестно делать порученное Богом дело»

О пути в филологию и учителях, о языках и нынешнем образовании, о вдохновении, и о других интересных вещах рассказывает декан филологического факультета, Алексей Валерьевич Аксенов.

Скажите пожалуйста, чем был обусловлен Ваш выбор профессии? Любовью к литературе и языкам, или может кто-то из ваших родителей по образованию филолог, и вы последовали родительскому примеру?

Оба моих родителя любили литературу, поэзию. В доме было много книг, часто звучали стихи. А в двенадцать лет я увлекся английским языком, начав заниматься частным образом в группе нескольких одноклассников с замечательным педагогом, ныне уже покойным, Альбертом Станиславовичем Плесневичем. Еще в 1970-е годы он разрабатывал метод обучения иностранным языкам, известный как «погружение». С нами он «погружение» не проводил, но элементы этого метода, используемые на занятиях, как и вдохновляющее обаяние этой личности способствовали моему увлечению английским и определили будущую профессию.

Алексей Валерьевич, на филологическом факультете МГУ помимо английского вы изучали и французский язык. Но в сфере Вашей профессиональной деятельности (согласно информации на сайте ПСТГУ) фигурирует только английский. Чем Вас так привлекла германистика?

Сказалось увлечение английским в школьные годы. Это моя, так сказать, первая любовь, которой я остался верен. Позже (тоже в школе) я увлекся японским языком, изучал его

самостоятельно, потом год на курсах. Собирался даже поступать в ИСАА, но получилось так — теперь ясно, что промыслительно, — что попал на романо-германское отделение филфака МГУ. Там были замечательные преподаватели французского языка, но с А.С. Плесневичем, привившим мне любовь к английскому, никто сравниться не мог. Может быть, и по темпераменту мне ближе северные народы. Импонирует нравственная строгость викторианской литературы, ее религиозная основа. В американской литературе, по которой я специализировался (кандидатская диссертация о Н. Готорне), морально-религиозный поиск тоже очень значим... В выборе специализации сказала, наверное, и значимость английского языка в современном мире, влияние англосаксонской культуры. И два года, проведенные в англоязычной стране...

Думаю, нашим читателям будет интересно узнать, что вы проходили учебную стажировку в США и окончили Университет Миссисипи (Ole Miss) со степенью бакалавра. Расскажите немного о полученном там бесценном для филолога опыте. Что Вам запомнилось больше всего?

Университет Миссисипи расположен на американском Юге, где очень силен местный колорит. Юг — это единственная территория в США, которая была захвачена вражеской армией, там велись боевые действия. Я имею в виду, конечно, гражданскую войну Севера и Юга 1861-1865 годов. В культурной памяти южан до сих пор сильно переживание поражения в войне, ностальгия по довоенной патриархальной аристократической культуре. Этот опыт страдания и потери в чем-то

близок нам, пережившим катастрофу 1917 года. Представление об этом мироощущении можно почерпнуть в литературе Юга, например, в книгах У. Фолкнера, который жил и писал в городке Оксфорд, где и расположен университет Ole Miss. В американском обществе есть несколько неразрешимых противоречий, одна из линий разделения до сих пор подспудно проходит между Севером и Югом. В качестве иллюстрации приведу один пример. Живя на Юге, я неоднократно слышал о генерале Шермане, одним из командующих Северной армии, который применял на Юге тактику «выжженной земли», попускал военные преступления. Его имя до сих пор вспоминают с содроганием. Позже, приехав в Нью-Йорк, я с удивлением увидел на одной из центральных площадей золотую конную статую Шермана. Это как если бы у нас часть территории России осталась монархической или белогвардейской. Герои и памятники были бы разные.

Могу еще сказать, что простые американцы, с которыми я общался, — люди открытые, гостеприимные, добрые и щедрые. Достаточно упомянуть, что, по завершении нашей годовой стажировки (нас было двое студентов из МГУ), местная общественность собрала средства для оплаты нашего дальнейшего обучения, чтобы дать нам возможность получить степень бакалавра. Весь последующий год я пользовался бескорыстным гостеприимством одной пожилой пары... Но, быть может, в таком отношении сказалось и то, что мы были там первыми студентами из России после падения «железного занавеса». В 1991 году мы уезжали на стажировку из Советского Союза, а два года спустя вернулись уже в другое государство — Российскую Федерацию. Распад СССР породил тогда в Америке определенную эйфорию. Нас буквально «носили на руках».

Вообще, в Америке чувствуешь себя иначе, чем в России — более

свободно, раскованно. А вот духовно там тяжелее — давит обволакивающий комфорт, нет той духовной атмосферы, культурной почвы, как в России.

Раз уж мы заговорили о США, поделитесь, пожалуйста, своими мыслями о системе образования. Насколько она отличается от российской, и есть ли что-то, что мы могли бы перенять у наших американских коллег?

Мне кажется, мы сейчас перенимаем у наших американских коллег даже больше, чем хотелось бы. Вся наша система образования перестраивается по западному, американскому образцу. Обучаясь в США, я не обнаружил больших преимуществ их системы образования перед советской. У нас образование было гораздо более фундаментальным, системным, основательным. Оно давало универсальность. У них все более узко, прагматично, ориентировано на рынок. Предполагается, что студент, руководствуясь какими-то значимыми критериями (наверное, маркетинговыми исследованиями с десятилетним прогнозом), сам набирает себе одну, другую, третью дисциплину, которые, по его мнению, сделают его более конкурентоспособным. Все это потом должно сложиться в некий эффектный «пазл», привлекательный для работодателя. Но такой элемент случайности и произвола в наборе дисциплин сказывается отрицательно на общем уровне подготовки. Все получается как-то более примитивно и поверхностно (во всяком случае, таково было мое впечатление от общения с американскими сверстниками). Кроме того, бакалавриат — это сильно урезанное, усеченное образование по сравнению с нашим специалитетом. И по продолжительности (четыре года вместо пяти), и по содержанию. Например, для получения степени бакалавра со специализацией по английскому языку мне почему-то пришлось изучать в университете Миссисипи алгебру, геометрию, биологию и астрономию. Причем все это на уровне старших классов советской средней школы. Конечно, лично для меня это был полезный опыт — изучать эти предметы на английском языке. Но их наличие в вузовской

программе в качестве обязательных для гуманитария казалось пустой тратой драгоценного времени, нужного для совершенствования в избранной специальности.

Из положительных сторон могу отметить особую академическую культуру. Например, списывание среди студентов совершенно не практикуется. Это как-то не принято, немисливо. Также, в стиле чтения лекций преподавателями больше ораторского мастерства, что делает лекции более занимательными. А на семинарах от студента требуется интенсивная

работа мысли, творческая отдача. Студенты пишут много коротких эссе, самостоятельно анализируя произведения литературы. С одной стороны, научная ценность таких работ невелика из-за отсутствия начитанности, фундаментальной подготовки по истории и теории литературы. В основном, все сводится к субъективным ассоциациям, произвольному толкованию. Но, с другой стороны, такие упражнения приучают студента думать и излагать свои мысли.

Скажите пожалуйста, есть ли преподаватели, которые вдохновляли/вдохновляют Вас, которые стали для Вас примером?

Я уже упоминал своего первого репетитора по английскому А.С. Плесневича. Он всегда был бодр, подтянут, энергичен, приносил с собой атмосферу какой-то свободы и свежести. Я начал заниматься с ним в 1984 году, мы тогда жили еще за «железным занавесом», а он со своим английским, с глянцевыми учебниками и книжками иностранных издательств, с аудиозаписями зарубежных учебных курсов — казался человеком из другого мира.

В университете с подачи одного просвещенного сокурсника я стал дополнительно посещать вечерние лекции и спецкурсы некоторых известных ученых — С.С. Аверинцева, М.Л. Гаспарова, А.Я. Гуревича, Е.М. Мелетинского. Все они были по-своему примечательны. С.С. Аверинцев собирал огромные аудитории, люди сидели на ступеньках, стояли в проходах. Лекция транслировалась в другую поточную аудиторию, тоже полную. При этом лекции он читал очень своеобразно: медленно, невыразительно, как бы самому себе. С.С. Аверинцев — великий филолог XX века, его чрезвычайно интересно читать, а вот слушать его лекции мне было не очень интересно. М.Л. Гаспаров тоже не был увлекательным лектором — говорил медленно, сильно заикался. Но в нем было что-то необычное и привлекательное. Мне кажется, он был человеком смиренным, что проявлялось в каких-то мелочах, жестах... В том, с какой предупредительностью он однажды подвинул стул, чтобы одному студенту было удобнее выйти из аудитории... Или в том, с каким интересом и вниманием, стоя в коридоре в группе студентов, он слушал то, что говорит каждый из них, заглядывая каждому в лицо, общаясь как бы на равных. Он был человеком уже преклонного возраста, но в нем чувствовалась какая-то искренность и свежесть молодости... В случае Аверинцева и Гаспарова важно было даже не то, что они говорят, а то, какие они сами... Значительной личностью был и Л.Г. Андреев, заведующий кафедрой истории зарубежной литературы, на которой

я специализировался. Фронтовик-доброволец в 19 лет, инвалид войны в 20, — в конце жизни он производил впечатление сильного, внутренне свободного и порядочного человека. И такие же люди — яркие, талантливые, творческие — окружали его на кафедре... Сменивший Л.Г. Андреева в должности завкафедрой Г.К. Косиков был самым сильным лектором из всех мной слышанных. Он как-то все прояснял, расставлял по своим местам. Т.Д. Венедиктова, под руководством которой я писал курсовую, диплом, диссертацию, — всегда поощряла, вдохновляла, поддерживала — при этом не ограничивая свободы, не навязывая свое видение. Ей никогда не изменял позитивный настрой, хотя работа со мной, как я теперь понимаю, была серьезным испытанием терпения. Но самую большую роль в моей жизни сыграл — и продолжает играть — А.Н. Горбунов, профессор МГУ и протоиерей Православной Церкви. Именно он выдвинул меня на стажировку в Америку на втором курсе, и он же много позже рекомендовал для работы в ПСТГУ. Его подлинное участие, сердечность и бескорыстие глубоко тронули меня еще в юности, трогают и сейчас, четверть века спустя. А его многочисленные содержательные книги и статьи по истории английской литературы очень помогают в работе. И хотя под его руководством я написал только одну курсовую работу, именно его я считаю своим учителем.

Вообще, могу сказать, что в науке, как и в религиозной традиции, очень важно живое личное общение, передача знания «из уст в уста», «от сердца к сердцу». Ведь образование — это не просто получение информации, а именно воссоздание «образа» — прежде всего, образа наставника, но, в конечном счете, образа Божия в Его существенных свойствах разумности, словесности, свободы, творчества и любви. В научной традиции происходит воспроизведение определенного типа и качества личности. Это возможно лишь при непосредственном общении в университетской среде, на живом вдохновляющем примере.

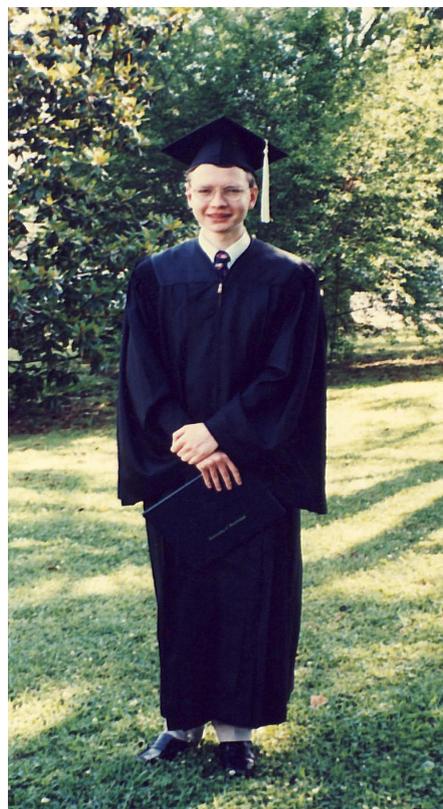
Как Вы думаете, нужна ли нашему факультету газета?

Конечно, нужна. И как площадка совместного творческого делания студентов, и как возможность для них

практики в журналистике, и как место встречи и общения преподавателей, студентов и выпускников, и, наконец, как информационное издание, дающее представление о нашем факультете широкой публике.

Исходя из Вашего большого преподавательского опыта, что бы Вы могли сказать о студентах филологического факультета ПСТГУ? Какие у них перспективы? Могут ли они конкурировать с выпускниками таких университетов, например, как МГУ, МГЛУ и т.д.?

Многое зависит от самого человека. Конечно, на первых порах важен «бренд». Встречают, как известно, «по одежке», и бренд МГУ в этом отношении вне конкуренции. Но, в конечном счете, каждый получает то, что он заслуживает, в зависимости от того, что сам из себя представляет. И в МГУ, и у нас есть случайные люди, которых «поступили» родители, которым филология как таковая не нужна. Те же, кто любит свое дело, кому оно интересно, кто любит трудиться — найдут себе дорогу. При этом подготовка у нас в значительной степени ориентирована на уровень и

традиции МГУ, так как многие наши преподаватели являются выпускниками Московского Университета, а студенты (например, германской кафедры) часть учебного времени проводят в МГУ. Кроме того, наши дополнительные профессиональные программы позволяют отчасти компенсировать ту ущербность бакалавриата (по сравнению со специалитетом), о которой я уже упоминал. В понимании необходимости такой компенсации мы тоже солидарны с МГУ, который благодаря своему особому статусу сохраняет у себя на некоторых профилях шестилетний специалитет или интегрированный с магистратурой бакалавриат. Наконец, уникальное преимущество нашим выпускникам дает обязательный богословский компонент всех образовательных программ... Да и само обучение в православном университете. Я не буду здесь говорить о духовной стороне этого вопроса. Но лишь одно приобщение (или хотя бы прикосновение) к подлинной религиозной традиции дает особую объемность восприятия мира. Например, мы можем глубже, как бы «изнутри» понимать культуру, логику мышления людей прошлых эпох, причастных той же традиции. А это для филолога важно. Также, имеет значение и мировоззренческий, этический фактор. Человек с цельным взглядом на мир всегда сильнее, надежнее...

Вопросы от студентов: Какие Ваши любимые авторы/книги? Что

Вопросы от студентов: Какие Ваши любимые авторы/книги? Что бы Вы посоветовали прочитать на каникулах?

С детства люблю поэзию — Пушкина, Тютчева, поэтов Серебряного века, Пастернака. Из прозаиков — Готорна, Диккенса. Величайшим автором европейской традиции считаю Шекспира... Думаю, на каникулах филологам

нужно читать литературу по списку — за прошлый год, или наперед... А еще я убежден, что современному человеку, помимо Евангелия, нужно читать святых отцов. Без этого духовно не выжить. Я люблю Тихона Задонского (интереснее его читать

в «оригинале», а не в переложениях на современный русский язык), Игнатия (Брянчанинова), Феофана Затворника, Оптинских старцев, Иоанна Кронштадтского... Из авторов XX века — Паисия Афонского, письма игумена Никона (Воробьева), Иоанна (Крестьянкина), Николая Сербского (Велимировича). Вдохновляет жизнь и писания иеромонаха Серафима (Роуза).

Должность декана – дело непростое и ответственное. С какими трудностями Вы столкнулись? Какие цели/задачи Вы ставили перед собой в первую очередь? Что изменилось, по Вашим ощущениям, с тех пор, как Вы стали деканом? Удалось ли реализовать все, что было задумано?

Сейчас время трудное и для российского образования, и для страны в целом. Поэтому первая задача — не потерять то, мы имеем, что создано нашими предшественниками. Я имею в виду и наш факультет, и традиции российского образования. Важно, чтобы на факультете была мирная обстановка, справедливое ко всем отношение, чтобы никто из студентов и преподавателей не чувствовал себя ущемленным, обиженным. Чтобы было взаимное уважение и, в идеале, любовь. Мы все люди несовершенные, кругозор и возможности каждого ограничены. И в нашем общем деле мы нуждаемся друг в друге... Что изменилось в мое деканство, и в какую сторону — лучше судить не мне, а коллегам. Если же говорить о трудностях... Думаю, одна из трудностей проистекает из неполного совпадения ответственности декана и его реальных возможностей. С одной стороны, декан отвечает за ход и порядок дел на факультете, а с другой, — не имеет финансовых рычагов, чтобы как-то влиять на ситуацию, улучшать условия для подопечных. Например, нашему факультету была бы нужна должность методиста, чтобы помогать заведующим кафедрами и преподавателям справляться с все возрастающим валом бумажной работы, которая, как сейчас считается, улучшает качество образования и служит его показателем. Но пока эта наша инициатива не встретила понимания руководства... То же относится к работе деканата. Факультет у нас довольно большой, для

делопроизводства нужны и сотрудники, и ставки. И дефицит последних рождает нехватку первых, перебои в работе. Понятно, что для этого есть объективные причины, и нужно быть признательным за все то многое, что мы имеем благодаря нашим попечителям, благодаря трудам о. Ректора. Но и трудности тоже объективны, поскольку требования к нам не уменьшаются, а только возрастают. К счастью, люди у нас сознательные и самоотверженно трудятся ради самого дела, невзирая на обстоятельства. Пользуясь случаем, хочу поблагодарить всех коллег за такую работу! Благодаря ей, факультет живет и развивается. Открываются новые программы, организуются совместные проекты с другими научными и образовательными центрами, в том числе, за границей. Есть интересные начинания и во внеучебной студенческой жизни. Конечно, многое еще нужно сделать... Развивать научную деятельность, привлекать к ней студентов, наладить связь с выпускниками... В учебном процессе тоже есть недостатки, перекосы... Повторю, российское образование переживает трудное время реформ, и наша задача — тех, кто имеет личный опыт образования в обеих системах — попытаться совместить лучшее в них, по возможности, сгладив недостатки. Опыт плодотворной адаптации инородных систем у нас в России имеется (правда, всегда сопряженный с катастрофическими потерями). Может быть, и в сфере образования мы со временем вернемся к идее защиты национального суверенитета и ценностей, перестанем самозабвенно петь с чужого голоса и жить по чужим правилам и стандартам.

Перестанем провинциально воспринимать уже отработанные западные идеи как некое спасительное откровение. Правда, сейчас мы имеем дело с беспрецедентным явлением глобализации, и, возможно, исход на этот раз будет иным, чем при культурных потрясениях восемнадцатого или двадцатого века. Может быть, через поколение-два мы будем жить в «прекрасном новом мире», в котором национальным традициям образования уже не будет места, и восторжествует

технократическая вера во всемогущие «метрики», как будто и человека, и целый университет можно измерить и оценить по схеме и таблице... Кроме того, сейчас, возможно, подходит к концу весь проект эпохи Просвещения, и по-настоящему качественное образование опять станет привилегией элит, а большинству придется довольствоваться чем-то очень базовым. Поэтому мы не можем не смотреть на происходящее со смешанным чувством. И не пытаться сохранить что-то из прошлого, чтобы наше образование как можно дольше оставалось гуманитарным не только по названию.

Как декан и как студент в прошлом, какие практические советы могли бы Вы дать своим подопечным?

Добросовестно делать свое дело. Сейчас вы — студенты, Бог вам дал такое задание, и надо быть хорошим студентом. Не лениться, не поступать против совести. Тогда у вас сложится хорошая репутация, что очень помогает в жизни. У всех нас разные способности, таланты, особенности ума и сердца. Не всем одинаково хорошо дается тот или иной предмет. В этом смысле система образования, построенная на принципе стандартизации, ставит всех нас в неравное положение. Но при этом все могут постараться относиться к делу ответственно, добросовестно, и тогда вас будут уважать, поручать вам важные дела, зная, что на вас можно положиться. Для успеха в жизни, в конечном счете, важнее всего доброе отношение к вам других людей... При этом успех — это, конечно, не самоцель, и не нужно его добиваться несправедливыми путями. Полагаю, никакие земные знания и преимущества нам не пригодятся в вечности... Поэтому они второстепенны, вспомогательны. Важно не быть в праздности и в каждый момент времени, в каждый период жизни добросовестно делать порученное Богом дело.

*Вопросы подготовила
Юлия Афтинеску, 2 курс*